

Жизненные и научные постулаты академика Сагадиева

Мы договорились об интервью с Кенжегали Абеновичем Сагадиевым. Конечно же, по экономике: столько всего сейчас происходит. Как водится, вначале – «разминка», когда в темпе блиц определяются стержень и контуры беседы с новым для тебя собеседником.

Тождественно

Конституции

Но дискуссионный «пробный шар» – «были ли у натурального хозяйства, которое вели кочевые народы, свои экономические законы» – перешел потом в цикл увлекательных интервью с академиком. Которые условно можно было бы назвать «беседы дилетанта с мэтром». При этом живость диалога и отсутствие менторства, которое бывает свойственно многим людям в силу их опыта, возраста, регалий, позволяли менее квалифицированному собеседнику (в данном случае мне) не чувствовать себя ущербным. Такое свойство есть у хороших педагогов, которые, видя ошибки или заблуждения ученика, умеют так искусно вывести его на правильный путь, что тому кажется, будто он сам – автор верного вывода, теории или даже открытия.

Также было понятно и то, что за простой и образной речью академика, богатой на примеры и ассоциации, понятной даже старшеклассникам, – огромный багаж знаний, непрерывная работа ума, глубокое философское переосмысление явлений, событий, тенденций. Автор десятка научных трудов, книг, учебников и статей, обладатель наград, званий, должностей обладает удивительной способностью легко обсуждать самую сложную тему с коллегами-учеными, политиками, студентами или журналистами. Понятно, что для таких диалогов нужны не заученные формулы и речевые обороты, от которых боязно отойти, а доскональное понимание предмета, талант оратора и доброжелательность к собеседнику, кем бы он ни был.

Вот когда такой диалог с Кенжегали Абеновичем сложился, мы пошутили, что хорошо бы так подавать экономику школьникам и студентам-первокурсникам, чтобы они изначально понимали: эта наука замешана густо, но даже у самых замудренных экономических формул – многовековые традиции повседневного уклада. Которые впоследствии переосмысливали, облачали в формулы и теории экономисты и политики. Но эволюция, построение более сложных, многоаспектных и многоуровневых отношений привели к тому, что зерно, из которого они проросли, уже практически не разглядеть. Это не значит, что всем нужно опять возвращаться к натуральному хозяйству или натуральному обмену, это лишь значит, что в науке всегда важно помнить и знать истоки.

– Как-то мне довелось дискутировать с американскими коллегами, – рассказывает Кенжегали Абенович. – Они говорят: «У Казахстана – молодая Конституция». Я отвечаю: «Писаная – да, молодая. Но у нас была очень действенная устная, передаваемая из поколения в поколение, неписаная Конституция, основанная на традициях нашего народа. Это своего рода устный свод норм, рожденных условиями, обстоятельствами жизни. Свод мудростей, позволявший выжить и сформироваться нации. И эти неписанные нормы сохранялись в памяти народа, даже если проходили десять веков. К примеру, у нас говорят: зять – на сто лет. И это не просто слова, это – норма бытия. Она объединяла сначала род, потом население какой-то территории, из которого впоследствии и сформировалась общность, нация. Это значительно более важно, чем может показаться человеку другой цивилизации, и для наших предков имело огромный практический смысл, ключ к выживанию. В нашей огромной степи можно было легко потеряться, но

казахский народ на этих просторах сформировался как нация. Он стал един, у него единый язык, одни и те же традиции, менталитет. Благодаря таким объединяющим обычаям, заповедям, сформулированным в народном устном эпосе, люди спланивались в одну нацию. И эта неписаная Конституция народа настолько могуча, что до сих пор мы ею пользуемся. Конечно, кое-что трансформируется, кое-что отпадает, тем не менее корни, базисные ценности сохраняются и по сей день».

Такие **разные** **университеты**

«Ну а экономика как при этом формировалась?» – допытывалась я тогда у профессора, и что стало для него предпосылкой к профессии. Ведь если копнуть детство, то у каждого можно найти те зернышки интереса, которые впоследствии выводят человека на профессиональную стезю да и жизненный путь определяют. Мне был интересен его ответ, поскольку, так уж вышло, мы оба – тургайские. Кенжегали Абеневич родом из тех краев, а меня ребенком привезли на целину, и в памяти хорошо сохранились картинки сельского уклада, большие подворья, где, казалось, животным и надворным постройкам, амбарам больше отводилось места, чем жилищу людей.

– В условиях сурового климата, а таковым является территория всего Казахстана, сформировался и соответственный уклад хозяйственной жизни, – считает ученый. – Казахи всегда занимались скотоводством и очень хорошо знают это ремесло. Позже, в XVII–XVIII веках, они занялись и меновой торговлей. Есть сведения, что казахи продавали до миллиона голов лошадей в год россиянам, узбекам и другим соседям. Они очень хорошо знали пастбища. Старики определяли, где нужно будет пасти скот, так, чтобы не трогать ту их долю, которая отводится для зимы. Помню из детства и то, как точны были прогнозы аксакалов, которые говорили, к примеру, что завтра или через неделю будет буран, потому что в июле была такая-то погода. Аксакалы очень чутко наблюдали за природой, а дети пасли скот. Преимущественно ночью, у нас называлось это «түнгі күзет». Причем, не зная никакой астрономии, мы легко ориентировались в степи. Помню, мы с отцом на лошадях ночью прошли 40–50 километров и пришли в тот аул, который наметили. Он ориентировался по звездам, считал скорость и направление ветра и безошибочно определял местность. Чему я всегда поражаюсь. Я очень жалею, что не сумел спросить его, как он это определяет: отец умер, когда мне было всего 12 лет.

Детство будущего ученого, академика, как и у большинства его ровесников, не было легким и безоблачным. Он вспоминает, что пришлось и скот пасти, и поливом заниматься: запрягали волов, а детей ставили погонщиками. И они по 10–12 часов крутили круг с ведрами, поливали посеы проса. Когда же отец умер, то Кенжегали пришлось заняться и более тяжелой работой – заготовкой дров. Как вспоминает академик, в ауле было четкое распределение труда. У каждого было дело по силам: кто-то скотом занимался, кто-то рыбу ловил. И до сих пор, признается он, в его памяти – пять стариков – бригада, которая все лето под палящим тургайским солнцем заготавливала сено.

Могучее **зерно** **Кенесары**

Работа работой, но чтобы в прямом смысле прийти от сохи в высшую школу, а потом и в экономическую науку, нужно было постичь и ее тяжелую практику, и настроить ум на пытливость и аналитику.

– Меня рано приучили читать литературу, – вспоминает он. – У нас дома была керосиновая лампа. И хотя керосин был дорогой и дефицитный, я читал ночи напролет. А когда засыпал, мама тушила лампу. Она понимала, что мне надо читать, учиться. Я

счастлив, что она увидела, чего я смог благодаря ей достичь. Она умерла в возрасте 85 лет, когда я уже стал профессором.

Расспросы стариков, чтение книг, поиски истины позволяли ему найти и ключ к пониманию сложившегося уклада жизни своего народа. Одну историю, рассказанную Кенжегали Абеновичем, приведу.

– Когда было восстание Кенесары, вышел царский указ, запрещающий поездки купцов с зерном, мукой в казахские степи, с тем чтобы восставшим было трудно продержаться, – оттолкнувшись от своих воспоминаний о работе на полях, приводит исторический пример академик. – И тогда Кенесары начал организовывать посеы проса. По его инициативе до 40 тысяч кибиток в Тургайском регионе занимались производством проса. Они снабжали им местное население. Потом восстание ушло в другую сторону, а ремесло осталось. И до моих детских лет сохранилось. А если вспомнить, что детство мое выпало на годы после большого голодомора, то можно понять, насколько это важно было для нас. И насколько мудрым – на многие годы – было решение Кенесары. Можно сказать, что тем самым им был заложен один из принципов продовольственной безопасности Великой степи. Конечно, тогда нам было нелегко, но я многое вынес из той жизни. Она приучила меня к трудолюбию, сделала целеустремленным, научила ценить блага жизни. Поэтому, я уверен, все, что достается легко, не ценится.

Уже потом, анализируя мироустройство предков-кочевников, академик отмечал множество норм, которые вошли в обиход как краткие устойчивые выражения. Он охотно приводит их: «Тура биде туған жоқ» – «Если бий справедлив, то у него нет родни»; «құдайы қонақ» – «гость от Бога»; «қара шаңырақ» – «отцовский дом – наследие младшего сына».

– Говорят, что когда был опубликован первый том трилогии «Абай» – фактически энциклопедии жизни казахов, Константин Федин, на тот момент председатель Союза писателей СССР, прочтя русский перевод, высоко оценил работу Мухтара Ауэзова, – рассказывает Кенжегали Абенович. – Но более примечательно его резюме по мироустройству степняков. Он тогда сказал Мухтару: «На кой черт вам этот социализм, вы же сами жили при коммунизме!»

А вот самому молодому – Кенжегали Сагадиеву – пришлось постигать экономическую теорию социализма сначала в Алма-Ате, а потом в Москве. И он признается, что с этими университетами ему невероятно повезло.

– Приехал я, аульный парень, в Алма-Ату, а здесь – свет и огромное количество книг. В общем, положительное впечатление сразу же создалось, – шутит академик. И добавляет: – Правда, мне некогда было размышлять о городской жизни, потому что сразу начались бетонные работы. До начала занятий на экономическом факультете КазГУ имени С. Кирова пришлось поработать на стройке.

Труднее пришлось со штудированием «Капитала» Маркса. И хотя сегодня Маркса отвергают, академик уверен: его диалектика, его теория не померкнут никогда. Не зря же, когда пошел кризис, все вспомнили Маркса! «Может быть, мы еще не доросли до него?» – задается он вопросом.

Но хорошо было в учебе то, что параллельно студентам читались и лекции по критикам антимарксистской теории. Предмет, подававшийся блестяще, дал важное для советских студентов знание: есть не только марксизм, но и альтернативные точки зрения. Правда,

углубить эти знания, понять, что же они из себя представляют, тогда было невозможно по той простой причине, что в КазССР эти труды не издавались, напоминает Кенжегали Абеневич. Компенсировали отсутствие альтернативы прекрасные преподаватели, отправленные за свободомыслие из Москвы в Алма-Ату, а также казахстанские специалисты – министры, ведущие специалисты Госплана и других хозяйственных структур. Такая в те годы была практика: со студентами работали не только теоретики. Многих из своих преподавателей академик и сегодня вспоминает с глубочайшим теплом и благодарностью.

Во всем дойти до сути

Впрочем, судьба ему дала возможность добраться до всей палитры экономических знаний. Хотя, как многие, он мог бы и удовлетвориться полученными знаниями. Оставшись после вуза на кафедре, начал преподавать экономику материально-технического снабжения и ждал из Москвы квоту в аспирантуру. Не дождался.

– Тогда я сам поехал в Московский институт народного хозяйства имени Плеханова, – вспоминает академик. – Зашел на кафедру, которой заведовал профессор Владимир Юрьевич Локшин, один из авторов «Политэкономии», и сказал ему, что пришел учиться в аспирантуру. Он говорит: «У нас восемь претендентов на одно место. И одному из этих претендентов – нашему выпускнику, имеющему склонности к исследовательской работе, мы пообещали. Ну, раз приехал, попробуй сдать экзамен, может, на следующий год пригласим».

Кенжегали Сагадиев со всеми претендентами сдал экзамен. И успешно, потому что через день его вызвал Локшин и сказал: «Я обещал, что приглашу вас на следующий год, но вы можете приезжать в этом. Я подготовлю письмо на имя министра, попрошу выделить одно место по вашей специальности для Казахстана». К министру Сагадиев не попал, но письмо оставил. А через три дня в Плехановке его поздравили с тем, что ему выделили место.

– Я попал в очень удачный момент, – считает академик. – В 1962 году в «Правде» была опубликована довольно дискуссионная статья харьковского профессора Ефима Либермана «План, прибыль, премия». Суть ее заключалась в том, что не все, наверное, совершенно в управлении советской экономикой, что надо менять какие-то методы, дать больше прав предприятиям, вводить стимулы работникам для повышения производительного труда. Со статьи и началась широкая общественная всесоюзная дискуссия, в которой участвовал весь свет экономической науки. Мы читали все материалы дискуссии, понимая, что почерпнем идеи, которые из лекций не выудишь. Тогда я и начал кое-что узнавать про альтернативную, рыночную, экономику. Три счастливых года я проходил дискуссионные университеты науки. Может быть, мне в профессии не столько аспирантура дала, сколько эти дискуссии. Я видел новые горизонты экономической науки, новые подходы, альтернативные взгляды на те или иные сложные процессы, на некоторые стороны экономической теории, не развиваемые советской идеологией. И все это, я уверен, заложило в моем мозгу более или менее серьезные основы.

Это была подлинная оттепель. Серьезная пора, хотя и очень короткая для подлинной науки, в которой было место альтернативе, сомнениям, критике. Это было время таких, как он, пытливых, все осмысливающих людей, стремящихся «во всем дойти до самой сути».

– В 1964 году Хрущева сменили, пришел Брежнев, – итожит тот период академик. – И в

1965 году все-таки было уделено внимание итогам дискуссии. Вышло постановление ЦК КПСС, Совета Министров о мерах по экономическому стимулированию работы предприятий. Реформу мы называли косыгинской. Алексей Николаевич был выдающейся личностью. Он глубоко понимал эту науку. Он предложил, правда, очень радикальные варианты. Но когда начали по всем инстанциям проходить, мало что от нее осталось. Тем не менее впервые за 48 лет советской власти это была первая крупная экономическая реформа в Советском Союзе.

Краткий миг истории. Тем не менее он дал многое тем, на период личностного и профессионального становления которых пришелся. Он заложил тот потенциал в обществе, в его лучших представителях, который впоследствии реализовался. Кенжегали Абенович Сагадиев, и как ученый, и как педагог, и как экономист-рыночник, внес огромный вклад в развитие экономики суверенного Казахстана. Но и в свои 75 ему не почивается на лаврах. Жизнь сейчас так интересна, признается академик, который не оставляет преподавательскую работу, возглавляя один из престижных вузов республики UIВ. Не оставляет практическую деятельность, возглавляя совет директоров Национального агентства по технологическому развитию. Не оставляет научную деятельность, готовя к публикации свои труды по современной экономике.

...Жаль только, что наши интервью пока приостановились из-за занятости ученого. Но верится, что, к радости начинающих экономистов, ему удастся реализовать идею издания «Популярной экономики», основанной на близких всем нам примерах истории и современности Казахстана.

**Алевтина ДОНСКИХ, журналист
Алматы, 19.02.2013г.**